
ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА
ВИКТОРИЯ СЕВЕРИНА
12 октября 2022 — 12 октября 2024
Два года без тебя...
Любящий муж Сергей и дочь Валерия помнят каждый день.
ОДНА ЛОЖЬ РАЗРУШИЛА ТРИ ЖИЗНИ
Иногда правда возвращает к жизни
ИЗМЕНА
ТЫ СКАЗАЛ ЛЮБОВНИЦЕ, ЧТО Я УМЕРЛА
РОМАН О ТОМ, КАК ВЕРНУТЬ СЕБЕ ЖИЗНЬ

Виктория Северина

Измена: Ты сказал любовнице, что я умерла?..

«Литнет»
2026

Северина В.

Измена: Ты сказал любовнице, что я умерла?.. / В. Северина — «Литнет», 2026

Я нашла собственный некролог на работе.Моя фотография. Дата смерти — день операции, после которой я выжила. И подпись: «Два года без тебя. Любящий муж Сергей и дочь Валерия помнят каждый день». Только я всё это время жила рядом с Сергеем, встречала его из командировок, спала с ним в одной постели и даже не подозревала, что в другом городе мой муж уже два года играет роль безутешного вдовца.Для Вероники он потерял любимую жену и в одиночку помогает дочери пережить смерть матери. Она пожалела его, потом полюбила, а недавно получила от него кольцо. Сергей собирался жениться на ней, не придумав лишь одной маленькой детали: как вдовцу развестись с женщиной, которая на самом деле жива.Когда всё вскрывается, муж не просит прощения. Он требует, чтобы я молчала.— Для Вероники ты умерла два года назад, Оля. Не вздумай теперь оживать только потому, что тебе стало обидно.Он уверен, что сумеет сохранить и любовницу, и уважение дочери, и красивую версию собственного предательства. Ведь двадцать семь лет я была той женщиной, которая терпела, понимала и исправляла последствия его решений.Только Сергей забыл одну вещь.Мёртвая жена уже прочитала свой некролог. И на этот раз она собирается исправить ошибку до печати.

© Северина В., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Собственный некролог 5
Глава 2. Не вздумай оживать 16
Глава 3. Дочь, которой придумали сиротство 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Глава 1. Собственный некролог

К девяти утра редакция уже пахла перегретым кофе, бумагой из старого принтера и тем особенным пыльным теплом, которое появлялось в их небольшом помещении всякий раз, когда за ночь батареи успевали прогреть его сильнее, чем требовалось. Ольга Воронцова сняла лёгкое пальто, повесила его на спинку своего стула, потому что в узком шкафу у входа снова заедала дверца, и привычно оглядела стол, на котором за вчерашний вечер каким-то образом успели вырасти две новые стопки распечаток. Одна относилась к городским новостям, другая — к полосе объявлений, поздравлений и некрологов; поверх лежала жёлтая записка от Лены из рекламного отдела с аккуратным: «Ольга Викторовна, проверьте, пожалуйста, фамилии, очень просили не ошибиться». Ольга усмехнулась, поставила сумку под стол и потянулась к компьютеру. Просили не ошибиться здесь все и всегда, особенно люди, которые приносили текст за двадцать минут до закрытия номера и обнаруживали в собственном имени три разных варианта написания.

До сдачи оставалось чуть больше четырёх часов, и это было как раз то время, когда окружающий мир начинал для Ольги постепенно сужаться до колонок, заголовков, висячих строк и фотографий, которые почему-то неизменно оказывались либо слишком тёмными, либо слишком маленькими, либо сделанными человеком, уверенным, что горизонт обязан заваливаться к правому краю. Она любила эти несколько часов почти физически. В обычной жизни люди могли передумать, соврать, не договорить или сегодня назвать правильным то, что вчера считали неприемлемым, а газетная полоса хотя бы подчинялась понятным правилам: здесь можно было увидеть ошибку, найти её и исправить до того, как бумага уедет в типографию. Наверное, именно поэтому после операции она вернулась на работу раньше, чем советовала Валерия и чем хотелось Сергею. Дома слишком хорошо слышалось собственное дыхание, слишком легко было вспомнить палату, белый потолок и ту первую секунду после наркоза, когда Ольга открыла глаза и не поняла, получилось ли у неё вообще проснуться.

Она включила рабочую программу, пробежала глазами первую полосу и почти сразу нашла лишнюю запятую в подзаголовке. Затем исправила дату в афише, отослала журналисту вопрос по фамилии директора школы и успела сделать два глотка уже остывающего кофе, когда в кабинет без стука заглянула Лена. Девочке было двадцать три, хотя иногда, глядя на её огромные серьги в виде звёзд и свитер цвета весенней травы, Ольге казалось, что рекламный отдел каким-то образом нанял на работу старшеклассницу и пока никому не признался.

— Ольга Викторовна, я вам памятные тоже скинула, — сказала Лена, придерживая одной рукой дверь, а другой поправляя сползшую с плеча сумку. — Там три штуки обычные, один год со дня смерти, один юбилей и ещё тот, который через сайт пришёл. Я фамилии проверила по заявкам, но лучше вы всё равно посмотрите, потому что вчера женщина два раза звонила и уточняла, точно ли фотография будет не маленькая.

— Если она прислала фотографию размером с почтовую марку, я ей человеческое лицо из воздуха не выращу, — отозвалась Ольга, не отрывая взгляда от монитора, и услышала тихий смешок Лены. — Ты ей это объяснила?

— Очень дипломатично, — заверила та и уже собиралась исчезнуть, но задержалась. — И она просила, чтобы объявление было обязательно в этом номере. Говорит, годовщина через два дня и для мужчины, которому она это делает, очень важно.

Ольга кивнула, машинально открывая папку с объявлениями. Памятные тексты она всегда проверяла особенно внимательно, потому что исправить опечатку в поздравлении можно было в следующем номере и даже превратить неловкость в шутку, а неверная дата смерти или искажённое имя оставались на бумаге совсем иначе. Иногда звонили пожилые женщины и диктовали ей по телефону каждое слово, плакали, сбивались, потом извинялись за слёзы; иногда

дети приносили удивительно молодые фотографии умерших родителей, словно отказывались признавать, что человек, которого они запомнили седым, когда-то действительно носил густую чёлку, модную рубашку и смотрел в объектив с какой-то почти вызывающей уверенностью. Ольга давно научилась не задавать лишних вопросов и воспринимать чужое горе бережно, как чашку с трещиной, которую лучше не переставлять без необходимости.

Первое объявление было о мужчине восьмидесяти двух лет, второе — о женщине, умершей десять лет назад. Ольга поправила перенос фамилии, увеличила межстрочный интервал, поставила пометку дизайнеру и открыла третий файл, одновременно протягивая руку к чашке. Фотография загрузилась не сразу, несколько секунд экран оставался серым, а затем перед ней появилось знакомое лицо, и Ольга сначала решила, что компьютер просто не переключил окно.

Женщина на снимке сидела за накрытым столом, чуть повернув голову к человеку с камерой. Каштановые волосы были короче, чем сейчас, возле виска блестела маленькая серебряная заколка, которую Ольга потеряла прошлой зимой, а на плечах лежала тёмно-синяя шаль. Она помнила этот вечер слишком хорошо, чтобы спутать его с чем-нибудь ещё. Сорокапятилетие они отмечали дома, без ресторана, потому что тогда Сергей только вернулся из длинной поездки и сказал, что хочет провести вечер втроём. Валерия привезла торт, настояла, чтобы мать села за стол до того, как уберёт последнюю тарелку, и, смеясь, сфотографировала её на телефон. На соседнем стуле, обрезанном сейчас по краю кадра, сидел Сергей.

Ольга перестала тянуться к чашке. Рука осталась над столом, пальцы несколько секунд висели в воздухе, прежде чем она медленно опустила ладонь на деревянную поверхность и перевела взгляд ниже, на текст под фотографией.

«Два года без тебя. Любящий муж Сергей и дочь Валерия помнят каждый день».

Она прочитала один раз, потом второй. Под строчками стояла дата, и здесь уже невозможно было объяснить происходящее одинаковой фамилией, глупой случайностью или неудачной фотографией. Число совпадало с днём операции, после которой Ольга очнулась вечером, с трудом подняла веки и увидела Сергея у кровати. Тогда он держал её за руку обеими ладонями, прижимал пальцы к губам и плакал так тихо, что она сначала решила, будто просто мерещится из-за лекарств. Потом пришла Валерия, ещё совсем растерянная, бледная, с красными глазами, и Ольга почти час слушала, как дочь сердится на неё за то, что та слишком долго не просыпалась.

Она прожила после этого дня два года.

Ольга поднялась так резко, что стул ударился спинкой о тумбу. Сердце сразу отозвалось тяжёлым толчком, и старый страх, который она давно считала почти побеждённым, мгновенно вернулся вместе с больничным запахом, белым светом и ощущением, что внутри тела есть что-то ненадёжное, способное однажды без предупреждения остановиться. Она положила ладонь на грудь, заставила себя медленно вдохнуть и только потом снова села. На экране всё осталось прежним: её лицо, её имя, её муж и дочь, которые будто бы уже два года жили без неё.

— Лена, — позвала Ольга и сама не узнала собственного голоса.

Девушка появилась почти сразу, с телефоном в руке и вопросительным выражением лица, но, увидев Ольгу, резко убрала улыбку. Она подошла к столу, наклонилась к экрану и сначала ничего не поняла. Потом её взгляд метнулся от фотографии к сидящей рядом женщине, вернулся к фотографии, и рот слегка приоткрылся.

— Ольга Викторовна… — начала она, но договорить не смогла и прижала телефон к груди. — Это же вы?

— Я тоже пока придерживаюсь этой версии, — ответила Ольга, стараясь говорить ровно, однако шутка получилась настолько сухой, что Лена даже не улыбнулась. — Кто прислал?

— Через форму на сайте. Я утром только проверила оплату и текст, а фотографию… Я вас здесь не узнала, правда, — торопливо объяснила девушка, словно уже представляла, каким

образом всё случившееся станет её личной виной. — Здесь волосы другие, и снимок старый, и я вообще не подумала… Ольга Викторовна, это что, чья-то дурацкая шутка?

— Покажи заявку.

Лена тут же придвинула к себе клавиатуру, вошла в рекламную систему и нашла заказ. Ольга смотрела через её плечо на обыкновенные поля формы: текст, дата размещения, размер фотографии, номер телефона, способ оплаты. Ничего угрожающего, ничего похожего на издевательство. Заказчица заплатила обычной банковской картой и оставила настоящее, насколько можно было судить, имя — Вероника Савельева. Ни фамилия, ни номер телефона Ольге ничего не говорили.

— Она звонила вчера? — спросила Ольга, чувствуя, как Лена осторожно отодвигается, освобождая ей место возле монитора.

— Два раза. Первый раз уточняла, получили ли мы фотографию, второй — можно ли сделать объявление чуть крупнее. Голос нормальный, взрослая женщина, не пьяная, ничего такого. Она ещё сказала, что это сюрприз для… — Лена запнулась и быстро посмотрела на Ольгу. — Для мужчины, который потерял жену.

Слово «потерял» неприятно застряло где-то под рёбрами. Ольга снова посмотрела на фотографию и неожиданно вспомнила, как Сергей в тот вечер ворчал, что Валерия снимает мать слишком близко, потому что телефон подчёркивает морщины. Потом всё-таки встал за дочерью, заглянул ей через плечо и сказал, что снимок хороший, живой. Ольга тогда рассмеялась именно из-за этого слова и велела прислать фотографию ей тоже, но так и не сохранила в отдельную папку. Значит, снимок оставался у Валерии, у неё самой в переписке и, вероятно, у Сергея.

— Макет никому не отправляй и в номер не ставь, — сказала она, закрывая окно с фотографией, хотя через секунду снова открыла его, словно боялась, что изображение исчезнет и вместе с ним исчезнет возможность доказать самой себе, что всё действительно произошло. — И пока никому об этом не рассказывай, хорошо?

— Конечно. Я вообще… Я ничего не буду, — Лена кивнула так энергично, что серьги качнулись. — Может, мне самой ей позвонить и сказать, что заказ не принимаем?

Ольга несколько секунд смотрела на номер. Первым желанием было позвонить Сергею. Он находился в соседнем городе уже третий день и должен был вернуться только послезавтра, потому что у них там, как он выражался, «закрывался тяжёлый вопрос по филиалу». Накануне вечером они разговаривали меньше десяти минут. Сергей спросил, как она спала, напомнил забрать его рубашки из химчистки и пожаловался на гостиничный завтрак, после чего сказал, что устал и рано утром снова ехать на встречу. Всё было настолько привычно, что Ольга даже не вспомнила об этом разговоре, пока не увидела под собственной фотографией слова «любящий муж».

Она могла позвонить сейчас и спросить прямо. Но если Сергей ничего не знал, звонок лишь заставил бы его испугаться вместе с ней, а если знал… Ольга не закончила мысль, потому что пока сама не могла представить, что именно должен знать муж о женщине, заказавшей объявление о смерти его живой жены.

— Нет, — сказала она наконец, забирая у Лены листок и переписывая номер на лежавший рядом блокнот. — Я сама.

Лена ещё немного постояла рядом, явно не желая оставлять её одну, но и не понимая, чем может помочь. Потом тихо спросила, принести ли воды, и Ольга кивнула, хотя стакан уже стоял возле монитора. Когда девушка вышла, в кабинете снова стало слышно гудение компьютеров за тонкой стеной, кашель корректора в соседнем помещении и принтер, методично выплёвывавший страницы. Обычное рабочее утро продолжалось, люди спорили о заголовке к заметке о школьной ярмарке, кто-то искал номер районной администрации, а Ольга сидела перед объявлением, в котором для кого-то уже два года была мертва.

Она набрала номер не сразу. Сначала открыла фотографию на весь экран, затем закрыла её, зачем-то проверила дату файла и только после этого нажала вызов. Гудки шли долго, и на третьем Ольга поймала себя на почти детском желании, чтобы никто не ответил. Тогда можно было бы отложить происходящее хотя бы на десять минут, закончить полосу, выпить кофе, потом решить, что делать дальше.

— Алло? — ответил наконец женский голос, спокойный и немного торопливый. На заднем плане что-то звякнуло, словно собеседница только что поставила чашку. — Слушаю.

— Вероника Савельева?

— Да. А кто говорит?

Ольга сжала ручку так сильно, что пластиковый корпус впился в пальцы. Она собиралась спросить о заказе нейтрально, почти редакционно, но собственное имя уже стояло перед глазами, и от этой вежливой подготовки вдруг стало тошно.

— Меня зовут Ольга Воронцова, — произнесла она. — Вы вчера заказывали у нас памятное объявление.

На другом конце ничего не изменилось. Вероника даже облегчённо выдохнула, будто ждала обычного звонка из редакции.

— Да, конечно. Я дважды уточняла. Там всё нормально с фотографией? Мне девушка сказала, что если немного увеличить размер, лицо будет лучше видно. Я доплатила, если нужно ещё…

— С фотографией всё нормально, — перебила Ольга и сразу заставила себя смягчить голос. — Я звоню не из-за качества. Мне нужно уточнить несколько вещей по тексту.

— Конечно. Я сама переживаю, чтобы ничего не напутать, потому что Серёжа увидит уже в газете. Он не знает, что я решила это сделать.

Серёжа.

Ольга закрыла глаза. Так мужа называла его мать, иногда Валерия, когда хотела поддразнить, и она сама — когда они были совсем молодыми, ещё до свадьбы. Потом Сергей окончательно стал Сергеем, изредка Серёжкой во время редких домашних шуток. Услышать это имя в голосе чужой женщины оказалось почему-то тяжелее, чем увидеть собственный некролог.

— А зачем вы решили сделать это без него? — спросила Ольга.

Вероника немного помолчала, очевидно удивлённая вопросом, но потом ответила без раздражения:

— Он каждый год делает сам. Вместе с дочерью. Сергей рассказывал, что они обязательно дают объявление в вашей газете, потому что Ольга родилась и жила в этом городе, у неё здесь знакомые. В этом году ему особенно тяжело. Два года, наверное… Не знаю, почему именно сейчас так накрыло. Может быть, потому что мы решили наконец двигаться дальше.

Ольга смотрела на стену напротив, где висел календарь с фотографией осенней набережной. Два года назад Сергей ничего не размещал в их газете. Она знала это точно, потому что сама проверяла памятные страницы и потому что в первую годовщину операции он привёз ей утром огромный букет хризантем, а вечером они ходили ужинать вместе с Валерией. Сергей тогда поднял бокал и сказал, что считает этот день их вторым семейным днём рождения. Ольга ещё смеялась, что один день рождения ей обходится достаточно дорого и второго подарка требовать не станет.

— Что значит «двигаться дальше»? — спросила она, хотя ответ уже начинал складываться сам и потому особенно не хотелось его слышать.

— Простите, а зачем вам такие подробности? — впервые насторожилась Вероника. — Вы родственница Ольги? Сергей предупреждал, что часть семьи может… непросто отнестись.

— К чему?

— Ко мне.

Ольга медленно сняла очки и положила на стол. Без них фотография на экране расплылась, зато стало легче смотреть перед собой.

— Я не родственница, — сказала она. — Расскажите, пожалуйста, что именно Сергей вам говорил.

Вероника теперь замолчала надолго. Ольга слышала только слабое движение воздуха в трубке и далёкий женский голос где-то рядом с собеседницей, потом щёлкнула дверь.

— Извините, я вышла в коридор, — сказала Вероника уже тише. — Я не понимаю, что происходит. Вы из газеты или всё-таки знаете Сергея?

— Знаю.

— Откуда?

Ольга провела пальцем по обручальному кольцу. Оно сидело чуть свободнее, чем два года назад: после операции она сильно похудела, потом вес вернулся не полностью. Сергей однажды предлагал отнести кольцо ювелиру и уменьшить, но Ольга отказалась, потому что не хотела отдавать его даже на несколько дней.

— Двадцать семь лет замужества дают человеку некоторое представление о собственном муже, — ответила она.

На другом конце стало настолько тихо, что Ольга решила: связь оборвалась. Она посмотрела на экран телефона и увидела продолжающийся отсчёт времени.

— Что вы сказали? — наконец спросила Вероника, и прежней мягкой уверенности в её голосе уже не было.

— Я сказала, что Сергей Воронцов — мой муж.

— Нет.

Это прозвучало быстро, почти автоматически. Потом Вероника вздохнула и уже другим, более жёстким тоном продолжила:

— Нет, подождите. Если вы какая-то родственница и решили таким образом… Я понимаю, что вам может быть неприятно, но это очень плохая шутка.

— Мне тоже не нравится.

— Ольга умерла.

— Как видите, пока нет.

— Я ничего не вижу, — резко произнесла Вероника, и за её раздражением Ольга впервые услышала настоящий страх. — Я разговариваю с женщиной по телефону, которая назвала имя умершей жены моего мужчины. Вы вообще понимаете, как это выглядит?

Ольга понимала. Даже слишком хорошо. Если бы ей позвонил неизвестный человек и заявил, что Сергей, которого она вчера провожала на поезд, умер два года назад, Ольга тоже решила бы, что разговаривает с сумасшедшим.

— У вас есть мессенджер на этом номере? — спросила она.

— Есть.

— Не отключайтесь.

Ольга открыла приложение, нашла контакт по номеру и нажала видеовызов. Несколько секунд экран показывал собственное лицо снизу, слишком бледное под холодным офисным светом. Она поправила телефон, дождалась, когда Вероника примет вызов, и увидела женщину примерно сорока лет в светлом жакете, стоящую в каком-то узком коридоре. За её спиной была серая дверь с табличкой, волосы собраны в низкий хвост, на шее тонкая цепочка. Ничего вызывающего, ничего похожего на образ, который за несколько минут успело нарисовать воображение Ольги.

Вероника посмотрела в экран и застыла. Её губы слегка разошлись, потом закрылись, а рука, державшая телефон, дрогнула настолько заметно, что изображение качнулось.

Ольга не сказала ничего. Она просто подняла перед собой распечатанное объявление, поставила рядом с лицом фотографию и позволила другой женщине смотреть.

— Нет, — повторила Вероника уже почти беззвучно. — Нет… Господи.

Она отвела телефон, словно пыталась увеличить расстояние между собой и изображением. Потом снова приблизила экран к лицу и долго рассматривала Ольгу, особенно линию бровей, нос, маленькую родинку возле левого виска, едва заметную на старой фотографии.

— Это вы, — прошептала она и сглотнула. — Это правда вы.

— Да.

— Но Сергей сказал…

Вероника оборвала фразу и вдруг опустила взгляд. Ольга заметила, как женщина машинально коснулась пальцами правой руки, и только теперь увидела кольцо. Не слишком крупное, с небольшим светлым камнем, оно сидело на безымянном пальце именно так, как носят не случайное украшение.

— Он вам сделал предложение? — спросила Ольга, хотя уже знала ответ.

Вероника прижала ладонь к груди. На её лице появилось выражение, которое Ольге было трудно вынести не из-за сочувствия, а потому что слишком легко оказалось узнать в нём себя — человека, внезапно увидевшего перед собой то, чего не должно существовать.

— Три недели назад, — сказала она. — Но мы ещё ничего не назначали. Он сказал, что сначала должен поговорить с Лерой. После годовщины.

— С Валерией.

— Да. Он всегда называет её Лерой.

Ольга невольно усмехнулась, и эта короткая, почти болезненная улыбка испугала её саму. Сергей действительно часто называл дочь Лерой. Он говорил это, когда хотел о чём-то попросить, когда сердился чуть меньше обычного или когда звонил ей поздно вечером. Значит, не всё во второй жизни было выдумано. Он щедро носил туда настоящие мелочи из первой.

— А почему именно после годовщины? — спросила Ольга.

Вероника вытерла ладонью щёку и только тогда, кажется, поняла, что плачет.

— Потому что он обещал Ольге… — Она запнулась, посмотрела на женщину в экране и поправилась: — Вам. Он сказал, что обещал вам не приводить никого к дочери, пока не пройдёт два года. Что вы просили его не торопить Валерию и дать ей пережить смерть матери.

Ольга почувствовала, как холод медленно поднимается от живота к груди. Перед операцией она действительно говорила с Сергеем о Валерии. Ночью, когда не могла уснуть и боялась даже произнести вслух, что может не проснуться, попросила его только об одном: если случится худшее, не оставлять дочь одну со своим страхом. Валерии было двадцать два, она жила отдельно и считала себя взрослой, но в ту ночь Ольга видела перед собой не двадцатидвухлетнюю женщину, а девочку с двумя косичками, которая когда-то прибегала к родителям после плохого сна.

— Я просила его не бросать дочь, если умру, — сказала Ольга. — Я не просила два года изображать вдовца перед другой женщиной.

Вероника закрыла глаза. Несколько секунд обе молчали, и в эту паузу из коридора редакции донёсся смех, кто-то прошёл мимо кабинета, громко обсуждая подпись под фотографией. Ольге показалось почти оскорбительным, что за дверью люди продолжают заниматься своими делами, пока здесь кто-то только что потерял два года собственной жизни, а кто-то другой обнаружил, что был мёртв всё это время.

— Вы знали обо мне? — внезапно спросила Вероника.

Ольга покачала головой.

— Нет.

— Совсем?

— До сегодняшнего утра я не знала, что вы существуете.

Вероника несколько раз кивнула, хотя отвечала, скорее, себе.

— Он говорил, что вы были очень закрытой. Что почти не пользовались соцсетями. Что Лера после вашей смерти вообще всё удалила, потому что ей писали незнакомые люди и жалели… Я пыталась найти. Один раз. Потом Сергей так разозлился. Сказал, что я не имею права лезть к его дочери, пока она сама не будет готова.

Ольга снова посмотрела на кольцо на пальце женщины.

— А могила? — спросила она. — Вы никогда не хотели прийти на могилу женщины, которую он якобы так любил?

Вероника вздрогнула.

— Он сказал, что вас кремировали. Что урну отвезли к вашей матери. Я… — Она замолчала и вдруг с силой зажмурилась. — Господи, ваша мать жива?

— Жива. И живёт в сорока минутах отсюда.

— Он сказал, она умерла раньше вас.

Теперь Ольга уже не почувствовала нового удара. Наверное, у человеческого тела действительно существовал предел, после которого следующая ложь переставала ощущаться отдельной болью и просто ложилась рядом с предыдущими. Она подумала о матери, которая вчера звонила и жаловалась, что соседка опять переставила цветы на общей площадке. В другой версии семьи её давно не было. Как удобно, подумалось Ольге, мёртвые родственники никому не задают вопросов.

— Вероника, — произнесла она, стараясь не повышать голос. — Скажите мне одну вещь. Сергей сейчас где?

Женщина открыла глаза.

— Здесь.

— Что значит здесь?

— В нашем городе. Он приехал позавчера. Сказал, что у них встречи в филиале до пятницы.

У Ольги неприятно занемели пальцы.

— Он живёт у вас?

Вероника посмотрела в сторону.

— Да.

Слово оказалось совсем маленьким и оттого особенно тяжёлым. Ольга медленно отодвинулась от стола. Ещё вчера вечером Сергей жаловался на гостиничный завтрак, говорил, что омлет был холодный и кофе невозможно пить. Она даже посоветовала ему купить утром что-нибудь нормальное в булочной возле офиса, где он однажды брал пирожки и потом хвалил их всю дорогу домой.

— Вчера он ночевал у вас? — спросила Ольга.

— Да.

— А утром ел дома?

Вероника смотрела на неё, не понимая смысла вопроса.

— Я готовила омлет.

Ольга прикрыла рот ладонью. Смешок вырвался сам, короткий, неприятный, почти болезненный. Вероника вздрогнула.

— Простите, — сказала Ольга, опуская руку. — Он вчера пожаловался мне на холодный гостиничный омлет.

Вероника стала ещё бледнее. Потом вдруг резко повернула голову, будто услышала что-то за дверью, и сказала:

— Мне нужно идти.

— Подождите.

— Я не могу сейчас. Правда не могу.

— Сергей вам звонил после нашего разговора?

— Ещё нет.

— Позвонит.

Вероника посмотрела на неё очень внимательно. За последние десять минут в её лице что-то изменилось: исчезла та осторожная вежливость, с которой она объясняла редактору размер объявления, но ещё не появилось понимание того, что делать дальше.

— Вы собираетесь ему звонить? — спросила она.

— Пока нет.

— Почему?

Ольга перевела взгляд на собственную фотографию в макете.

— Потому что впервые за двадцать семь лет мне интересно услышать, что он скажет, когда не успеет заранее договориться со мной о правильной версии.

Вероника вздрогнула, словно эти слова относились и к ней. Потом сняла кольцо не полностью, только подтянула к суставу, остановилась и вернула на место.

— Я вам перезвоню, — сказала она, тяжело дыша. — Не знаю когда, но перезвоню.

— Хорошо.

— И объявление…

— Оно не выйдет.

Вероника кивнула и отключилась.

Ольга ещё несколько секунд держала телефон перед собой, глядя на собственное отражение в потемневшем экране. Потом положила аппарат на стол и поняла, что в дверях стоит Лена со стаканом воды, который, судя по её лицу, она принесла уже давно, но так и не решилась войти. Девушка осторожно поставила стакан рядом с клавиатурой и молча ждала.

— Она не ошиблась номером, — сказала Ольга. — И фотографией тоже.

Лена прижала ладонь к губам.

— Это Сергей Викторович?

Ольга подняла на неё глаза, и девушка сразу покраснела.

— Простите. Я не должна…

— Не должна, — согласилась Ольга без раздражения. — Поэтому давай пока просто снимем макет и закончим номер.

Работа сначала не получалась совсем. Буквы расплывались, названия улиц казались бессмысленными, в одном абзаце Ольга трижды читала фамилию и всё равно не понимала, правильно ли она написана. Но постепенно привычные действия начали возвращать ей способность дышать. Она исправила подпись под фотографией, попросила журналиста перепроверить цифры, вычеркнула из заметки две одинаковые фразы и даже успела поспорить с дизайнером, который снова пытался уместить слишком длинный заголовок в узкую колонку.

Алексей Рудин появился ближе к полудню, как всегда без особого шума. Он работал с газетой много лет, иногда исчезал на несколько дней на съёмках, потом возвращался с десятками фотографий и уверял, что половина текста всё равно никому не нужна, если есть хороший кадр. Сегодня он принёс снимки с открытия нового двора и, войдя в кабинет Ольги, сразу остановился.

— Ты заболела? — спросил Алексей, снимая с плеча тяжёлую сумку с техникой. Его взгляд задержался на её лице, затем на почти нетронутом стакане воды. — Или опять с утра живёшь на одном кофе?

— Со мной всё нормально, — автоматически ответила Ольга и потянулась к флешке, которую он положил на стол.

Алексей не отдал её сразу. Он присел на край соседнего стола, внимательно посмотрел на Ольгу и чуть нахмурился.

— Ты говоришь это тем же голосом, которым два года назад сказала, что операция совершенно обычная и волноваться не о чем. Я тогда поверил примерно на пять минут.

Ольга подняла глаза. Алексей действительно приходил в больницу один раз, уже после выписки, принёс совершенно бессмысленную корзину фруктов, половину которых ей нельзя было есть, и потом долго ругался на себя за то, что не спросил заранее. Сергей тогда смеялся громче всех.

— Сегодня можешь поверить дольше, — сказала она. — Хотя бы до вечера.

Он всё-таки положил флешку перед ней.

— Как скажешь. Если понадобится что-нибудь кроме моего восхитительного молчания, я в фотокомнате.

Алексей ушёл, не задавая новых вопросов, и Ольга была благодарна именно за это. За последние два часа она услышала достаточно слов, каждое из которых меняло смысл предыдущих лет. Ей не хотелось объяснять ещё одному человеку, что муж живёт у другой женщины, которая считает Ольгу умершей и носит его кольцо.

Телефон зазвонил в 12:17.

Ольга увидела имя Сергея и некоторое время просто смотрела на экран. Пять минут, подумала она. Вероника обещала, что он ещё не звонил, и примерно пять минут понадобилось мужу, чтобы узнать о разговоре, решить, что делать, и набрать жену. Возможно, Вероника позвонила ему сама. Возможно, Сергей вернулся в квартиру и увидел её лицо. Какая теперь разница.

Она ответила и не успела произнести ни слова.

— Ты что ей наговорила? — спросил Сергей.

Ни «привет», ни вопроса, почему Ольга вообще разговаривала с незнакомой женщиной, ни удивления. Голос мужа был раздражённым, резким, тем самым, которым он говорил с людьми, задержавшими работу или неправильно заполнившими документы.

Ольга откинулась на спинку стула.

— Добрый день, Серёжа.

— Оля, не начинай. Что ты сказала Веронике?

— Мне кажется, начать уже успел ты. Примерно два года назад.

В трубке послышался тяжёлый вдох.

— Где ты вообще взяла её номер?

Ольга посмотрела на распечатку с собственным лицом.

— Она прислала его вместе с моим некрологом.

Сергей замолчал. Эта пауза продолжалась всего пару секунд, но Ольга услышала в ней больше, чем в десятке возможных объяснений. Он знал. Не удивился ни объявлению, ни имени, ни тому, что другая женщина считала Ольгу умершей.

— Это не некролог, — наконец сказал он. — Обычное памятное объявление.

Ольга медленно провела пальцем по бумаге.

— Спасибо. Мне сразу легче.

— Не передёргивай, пожалуйста. Я сейчас пытаюсь понять, что произошло.

— Нет, Сергей. Ты пытаешься понять, сколько я уже знаю.

— Оля…

— Вероника думает, что я умерла после операции. Думает, что моя мать умерла ещё раньше. Думает, что Валерия два года оплакивает меня и не позволяет тебе знакомить её с новой женщиной. У неё на пальце кольцо, которое ты ей подарил три недели назад, и она собиралась после моей второй годовщины смерти обсуждать с тобой свадьбу. Что из этого мне пока неправильно объяснили?

Он снова замолчал. Ольга слышала далёкий шум машины, значит, Сергей говорил либо с улицы, либо из автомобиля. Потом его голос стал тише.

— Мы не будем обсуждать это по телефону.

— Почему? Боишься, что связь с загробным миром дорогая?

— Прекрати этот цирк.

Слова ударили неожиданно сильно. Ольга сжала ладонь в кулак, чтобы не ответить первой злостью, которая поднялась внутри.

— Цирк? — переспросила она. — Я сегодня утром открыла рабочий макет и увидела свою фотографию над словами о том, что муж и дочь два года помнят меня каждый день. А цирк устраиваю я?

— Ты не понимаешь обстоятельств.

— Так расскажи.

— Не сейчас.

— Когда? После похорон?

— Оля, я серьёзно.

— Я тоже.

За дверью кто-то прошёл, затем раздался голос корректора. Ольга заметила, что ладонь дрожит, и прижала локоть к столу.

— Ты зачем ей сказала, что я умерла?

— Я приеду и объясню.

— Когда?

— Сегодня.

— Ты же должен вернуться послезавтра.

— Планы изменились.

— Конечно.

Сергей повысил голос:

— И до моего приезда не звони ей больше. Ты сейчас на эмоциях, она тоже, и вы только усугубите ситуацию.

Ольга медленно выпрямилась. Эта интонация была ей слишком хорошо знакома. Сергей использовал её всякий раз, когда считал себя единственным взрослым в комнате: с дочерью, с матерью, иногда с Ольгой. Давайте никто ничего не будет делать, пока он не придёт и не распределит роли правильно.

— Ты сейчас запрещаешь мне разговаривать с женщиной, которая заказала объявление о моей смерти?

— Я прошу тебя не вмешиваться в отношения, о которых ты ничего не знаешь.

Дверь кабинета открылась. Алексей вернулся, держа в руках лист с пробными фотографиями, и сразу остановился, заметив выражение лица Ольги. Она почти не обратила на него внимания.

— Повтори, — сказала она Сергею.

— Что?

— Последнюю фразу.

— Оля, пожалуйста, не устраивай сцену на работе.

— Какую именно? Мёртвая жена мешает твоей личной жизни?

— Я сказал, не вмешивайся туда, где ты не понимаешь, что происходит.

Ольга почувствовала, как внутри вдруг становится очень спокойно. Не легче, не менее больно — просто спокойно, словно после долгого шума кто-то наконец закрыл дверь. Она посмотрела на Алексея. Тот не уходил, но и не приближался, только положил листы на край стола и ждал, готовый исчезнуть, если она покажет.

— Сергей, — произнесла Ольга, глядя на собственную фотографию в макете. — Там моё лицо. Моё имя. Там написано имя нашей дочери. Там стоит дата моей операции, после которой ты сидел возле моей кровати и держал меня за руку. Поэтому не пытайся объяснить мне, что я случайно влезла в чужую жизнь.

В трубке несколько секунд стояла тишина.

— Я буду вечером, — сказал Сергей наконец. Голос у него стал глухим. — И мы поговорим нормально.

— Приезжай.

— Только ничего больше не делай до моего приезда.

Ольга посмотрела на кольцо на своей руке. Пока оно оставалось там, где находилось двадцать семь лет.

— Вот это ты мне тоже вечером объяснишь, — ответила она. — Почему живой жене нужно спрашивать разрешения у собственного мужа, прежде чем выяснять, кто и зачем её похоронил.

Она отключила звонок раньше, чем Сергей успел ответить. Телефон лег на стол рядом с памятным объявлением, и только теперь Ольга заметила, что Алексей всё ещё стоит у двери.

Он ничего не спросил сразу. Подошёл к кулеру, налил свежей воды, поставил стакан перед ней вместо давно нагревшегося и сел на свободный стул.

— Мне уйти? — спросил Алексей, положив ладони на колени.

Ольга хотела привычно ответить, что всё в порядке. Слова уже почти поднялись к губам, но она посмотрела на фотографию, на дату под собственным лицом и впервые за это утро не смогла произнести очевидную ложь.

— Посиди пять минут, — сказала она. — Только ничего не спрашивай.

— Хорошо.

Алексей придвинул стул к стене, освобождая ей проход, и замолчал. Ольга взяла красную ручку, которой всегда отмечала ошибки в макетах, перечеркнула строку с датой и сверху написала крупно, чтобы дизайнер не пропустил: «Снять с публикации. Сведения не соответствуют действительности». Рука всё ещё немного дрожала, поэтому последние буквы вышли неровными, но она не стала переписывать.

Потом Ольга отложила ручку, открыла следующую полосу и несколько секунд смотрела на текст, прежде чем снова начать различать слова. До сдачи номера оставалось меньше трёх часов, Сергей уже ехал домой, где вечером должен был объяснить, каким образом сумел прожить два года рядом с женщиной, которую в другом городе похоронил.

А пока Ольга была жива, сидела за своим столом и исправляла ошибки до печати. Впервые за всё утро это казалось ей достаточной причиной закончить работу.

Глава 2. Не вздумай оживать

Квартира встретила Ольгу тишиной, которую она знала слишком хорошо и прежде никогда не замечала. В обычные дни эта тишина означала только отсутствие Сергея: он в поездке, вернётся в четверг или пятницу, поставит чемодан возле шкафа, пожалуется на дорогу, потом зайдёт на кухню и обязательно спросит, не осталось ли чего-нибудь поесть, хотя заранее уверял, что поужинает перед поездом. Сегодня всё было на своих местах — его домашние тапочки под банкеткой, куртка, которую он не взял из-за потепления, раскрытый журнал на подлокотнике кресла, зарядное устройство возле дивана, — но каждая вещь выглядела так, словно принадлежала человеку, о котором Ольга знала только половину. Она медленно сняла пальто, повесила его в прихожей и несколько секунд смотрела на мужские тапочки, прежде чем пройти мимо, не поправив один, съехавший носком к стене.

По дороге домой она дважды собиралась позвонить Валерии и оба раза убирала телефон обратно в сумку. Дочь работала допоздна, готовила какие-то материалы к завтрашней встрече и утром прислала матери смешную фотографию кота своей коллеги, растянувшегося на клавиатуре. Ещё вчера Ольга ответила бы, что именно так выглядит Сергей, когда собирается помочь ей с домашними делами, и получила бы в ответ десяток смеющихся значков. Сегодня открыть эту переписку было почти физически тяжело, потому что где-то в другой жизни отец два года рассказывал чужой женщине, что Валерия переживает смерть матери, не готова принять новую любовь и ежегодно вместе с ним заказывает памятное объявление. Ольга пока не знала, насколько далеко он зашёл в этой части своей истории, и не хотела звонить дочери до разговора с ним, словно всё ещё оставалась какая-то возможность услышать объяснение, после которого хотя бы несколько самых страшных слов окажутся неправдой.

Она прошла на кухню и поставила сумку на стул. На холодильнике магнитом была прижата записка Сергея, оставленная три дня назад: «Не забудь про рубашки. И купи, пожалуйста, кофе, наш заканчивается». Ольга перечитала её, открыла шкаф и увидела новую пачку кофе, которую сама купила вчера после работы. Рубашки тоже уже лежали выглаженными в спальне — она забрала их из химчистки во время обеденного перерыва, потому что муж попросил, а потом аккуратно развесила в шкафу, чтобы не мялись. Вчера вечером Сергей звонил из «гостиницы», где на самом деле ел приготовленный Вероникой омлет, и напомнил про рубашки, будто возвращался в одну-единственную жизнь, которую Ольга должна была поддерживать в порядке до его приезда.

Она сняла записку с холодильника, сложила пополам и сунула в ящик с чеками. Выбросить почему-то не получилось. Может быть, потому что даже сейчас эта бумажка оставалась настоящей: Сергей действительно попросил купить кофе, Ольга действительно купила, и в этой мелкой бытовой просьбе не было никакой подделки. Именно это путало сильнее всего. Если бы оказалось, что последние два года мужчина существовал рядом как законченный чужак, что все его слова были подготовлены заранее, а каждый взгляд скрывал расчёт, ненавидеть было бы проще. Но Сергей смеялся с ней, когда зимой лопнула труба в ванной и они до полуночи собирали воду полотенцами. Он возил мать Ольги на обследование, ругался с Валерией из-за зимней резины, ночью вставал, когда у Ольги после операции поднималась температура, и сидел рядом, пока она не засыпала. После всего этого он ехал в другой город и превращался в вдовца.

Ольга открыла холодильник, посмотрела на контейнер с супом, на сыр, овощи и вчерашнюю запеканку, потом закрыла дверцу. Есть не хотелось. Она налила воду, выпила половину стакана стоя и только тогда заметила, что обручальное кольцо всё ещё на пальце. Днём оно казалось отдельной деталью разговора, вечером — почти насмешкой. Ольга подвигала его, но снимать не стала. Пока Сергей не вернулся, любое решение выглядело похожим на разговор с

отсутствующим человеком, а ей впервые хотелось, чтобы муж оказался перед ней и произнёс всё сам.

С работы Ольга привезла распечатанный макет. Лист лежал в сумке в прозрачной папке, и она достала его, расправила на столе рядом с сахарницей. Красная пометка «Снять с публикации. Сведения не соответствуют действительности» выглядела слишком деловой для того, что происходило. Под ней улыбалась Ольга трёхлетней давности, чуть более круглолицая и коротко стриженная, а ниже любящий муж и дочь обещали помнить её каждый день. Она вдруг подумала, что Сергей, наверное, никогда не рассчитывал увидеть этот лист своими глазами. Возможно, если бы Вероника не решила сделать сюрприз, он ещё долго продолжал бы рассказывать о ежегодной семейной традиции, которой никогда не существовало, а Ольга продолжала бы редактировать чужие некрологи, не подозревая о собственном.

Телефон несколько раз лежал экраном вверх и вспыхивал уведомлениями, но Сергей больше не звонил. Вероника тоже молчала. В половине восьмого Ольга увидела сообщение от мужа: «Буду минут через сорок. Давай спокойно поговорим». Слово «спокойно» вызвало такую резкую злость, что она почти сразу ответила, но остановилась и стёрла набранное. За двадцать семь лет Сергей слишком часто использовал это слово, когда хотел заранее назначить допустимую силу чужой реакции. Спокойно обсудить, спокойно решить, спокойно пережить. Как будто если человек повышал голос, факты становились менее настоящими.

Она ушла в ванную, умылась холодной водой и долго смотрела в зеркало. Женщина напротив выглядела уставшей, но совершенно живой: тёмные круги под глазами, небольшая складка между бровей, влажные волосы возле висков. На шее пульсировала жилка. Ольга приложила к ней два пальца и невольно усмехнулась. Ещё утром ей бы не пришло в голову проверять собственное существование таким образом.

Сергей приехал в восемь двадцать три. Ольга услышала, как ключ повернулся в замке, затем дверь открылась, в прихожей тяжело опустилась дорожная сумка. Обычно после поездки он первым делом громко говорил: «Я дома», даже если видел женские туфли у двери и прекрасно знал, что Ольга внутри. Сегодня он промолчал. Несколько секунд раздавался только шелест куртки, потом шаги приблизились к кухне, и Сергей появился в дверном проёме.

Он выглядел почти так же, как утром перед последней поездкой: тёмные брюки, светлая рубашка, верхняя пуговица расстёгнута, волосы чуть растрёпаны после дороги. Только под глазами легли тени, а лицо было напряжено сильнее обычного. Ольга смотрела на него и неожиданно отметила совершенно ненужную деталь — рубашка была не та, которую он показывал ей по видеосвязи позавчера, а другая, которую она не помнила. Возможно, новая. Возможно, лежала у Вероники. Раньше такая мысль показалась бы ей нелепой, теперь любое незнакомое движение мужа сразу открывало вторую возможную жизнь.

— Ты почему не отвечала? — спросил Сергей вместо приветствия, положив телефон на стол. Он быстро посмотрел на макет, задержался на нём всего секунду и тут же перевёл взгляд на жену. — Я тебе два сообщения отправил.

— Одно, — поправила Ольга. — Про то, что приедешь через сорок минут.

— Второе не ушло, значит. Связь пропадала.

Он прошёл к раковине, открыл кран, налил себе воды и выпил почти весь стакан. Эти движения были привычными до болезненности: Сергей всегда после дороги пил воду, потом спрашивал, что есть на ужин, и только после этого шёл переодеваться. Сегодня он не спросил. Поставил стакан и, не снимая часов, сел напротив.

— Объявление сняли? — спросил он.

Ольга даже не сразу поверила, что именно с этого он решил начать.

— Сняли.

— Хорошо. Веронике больше не звонила?

— Нет.

Сергей заметно выдохнул и провёл ладонью по лицу.

— Тогда давай сейчас хотя бы не будем делать ничего резкого. Я понимаю, как это выглядит, и понимаю, что тебе неприятно, но там всё намного сложнее, чем ты успела себе представить.

Ольга посмотрела на него несколько секунд. Он действительно приехал домой с готовой интонацией человека, которому предстоит объяснить большой, но в сущности решаемый семейный беспорядок. Не виноватый, не испуганный, а уставший от необходимости разбираться с последствиями.

— Мне неприятно, — повторила она. — Сергей, сегодня утром я узнала, что два года как умерла. Да, пожалуй, слово подобрано точно.

— Не надо цепляться к формулировкам, — он поморщился и потянул к себе макет, но Ольга накрыла лист ладонью. Сергей убрал руку. — Я не говорил, что тебя официально где-то объявили умершей. Никаких документов нет, ничего подобного не делалось. Это была история для одного человека.

— Вот об этом я и хочу спросить сначала. — Ольга положила обе руки на стол, заставляя себя не торопиться. — Ты оформлял что-нибудь на моё имя? Подписывал за меня? Получал какие-нибудь выплаты, деньги, льготы, наследство? Где-нибудь, кроме головы Вероники Савельевой, я умерла?

Сергей уставился на неё, а затем резко отодвинулся.

— Ты совсем с ума сошла?

— Я сегодня уже была покойницей, так что диапазон возможностей расширился.

— Не смешно, Оля. — Он ударил ладонью по столу не сильно, но достаточно, чтобы ложка в сахарнице тихо звякнула. — Я что, по-твоему, преступник? Я подделывал свидетельство о смерти, хоронил тебя, снимал деньги со счетов? Ты хоть слышишь, что спрашиваешь?

— Слышу. Именно поэтому и спрашиваю.

— Нет, ничего такого не было. Разумеется, не было. Ты жива во всех документах, везде числишься так же, как вчера. У нас общий брак, счета, всё на месте. Я никого не обманывал официально и не получал ни копейки за твою якобы смерть.

— Значит, только Веронику.

Он стиснул челюсть.

— Я сказал ей одну вещь о своей личной жизни. Это не имеет отношения к документам.

Ольга медленно кивнула, хотя от формулировки «одну вещь» захотелось встать и уйти из кухни.

— Ты сказал женщине, с которой спишь, что жена умерла. Это и есть одна вещь?

— Не своди всё к самой грубой формулировке.

— А какая будет мягче? Что я временно перестала существовать в пределах соседнего города?

Сергей отвёл взгляд и потёр большим пальцем край часов. Этот жест Ольга знала давно: так он делал, когда не хотел отвечать сразу, особенно если считал вопрос плохо поставленным.

— Я познакомился с Вероникой задолго до того, как между нами что-то началось, — произнёс он наконец. — Несколько месяцев мы просто общались. По работе сначала, потом иногда кофе пили после встреч. Она была одна, я… тоже чувствовал себя довольно одиноко.

Ольга почувствовала, как что-то неприятно сжалось в груди.

— Ты жил со мной.

— Физически — да.

— Мы спали в одной постели.

— Я не про это.

— Тогда объясни, про что.

Сергей раздражённо вздохнул.

— Про нас, Оля. Ты правда хочешь сейчас сделать вид, что последние годы всё было прекрасно? Мы разговаривали о бытовых вещах, о Лере, о твоей маме, о работе. Ты постоянно уставала, потом эта болезнь, операция. Я тебя поддерживал, не бросал, делал всё, что мог, но между нами давно уже не было того, что было раньше.

Ольга слушала и почти физически ощущала, как муж на глазах перестраивает их общую жизнь. Ещё неделю назад их брак не требовал определения. Теперь каждое привычное молчание, каждый вечер перед телевизором и каждая усталость после работы становились доказательством его окончания.

— Когда он закончился? — спросила она.

Сергей нахмурился.

— Что?

— Наш брак. Ты говоришь, между нами давно ничего не было. Назови день. Или хотя бы год, когда мы оба об этом договорились.

— Такие вещи не происходят в один день.

— Хорошо. Когда ты сказал мне, что считаешь нас чужими людьми?

— Я не обязан был произносить это дословно, чтобы ты понимала, что отношения изменились.

— Значит, мне нужно было догадаться.

— Не надо сейчас изображать наивную женщину, которая двадцать семь лет вообще ничего не замечала.

Ольга наклонилась к столу.

— Я не замечала, что умерла, Сергей. Это правда. Здесь придётся признать мою невнимательность.

Он отвернулся, встал и прошёл к окну. Некоторое время смотрел во двор, где уже горели фонари, потом стянул с шеи ворот рубашки, будто в кухне стало душно.

— Вероника не хотела связываться с женатым, — сказал он уже спокойнее. — Сразу. Я даже ничего ей не предлагал напрямую, просто стало понятно, что мы нравимся друг другу. Она спросила, свободен ли я, я сказал, что женат, но отношения дома давно сложные. Для неё этого было недостаточно.

— Правильно.

— Не оценивай сейчас каждую её фразу.

— Я оцениваю твою. Женщина сказала, что не будет спать с женатым мужчиной. Что случилось потом?

Сергей обернулся. Несколько секунд он явно выбирал, сколько говорить, и это было почти оскорбительнее самой правды.

— Потом была твоя операция.

Ольга не пошевелилась.

— И?

— И я тогда действительно думал, что могу тебя потерять. Врачи ничего не обещали, ты сама помнишь.

— Помню.

— Я был в таком состоянии, что вообще плохо соображал. Вероника знала, что у тебя операция, потому что мы иногда переписывались. Она написала, спросила, как ты. Я сначала не ответил.

— А потом?

Сергей провёл ладонью по затылку.

— Потом написал, что тебя не стало.

Кухня была тёплой, но Ольга вдруг почувствовала холод в предплечьях. Она смотрела на мужа и вспоминала тот день не цельно, а отдельными кусками: синяя больничная рубашка,

Валерия с бумажным стаканом кофе, Сергей возле кровати, его пальцы на её руке. Где-то между этими воспоминаниями он достал телефон и написал другой женщине, что жена умерла.

— Почему? — спросила Ольга.

— Потому что это уже вырвалось. Я не планировал заранее.

— Нет, Сергей. Слово «вырвалось» — это когда человек ругается матом или называет чужое имя. Ты набрал несколько слов и отправил. Зачем?

Он вернулся к столу и сел.

— Потому что я понимал: если напишу, что всё прошло хорошо, дальше всё останется как было. Она не позволит мне приблизиться. А я… не хотел её терять.

Ольга чуть откинулась на спинку стула.

— Ты боялся потерять Веронику в день, когда я лежала в операционной?

— Я боялся потерять тебя тоже.

— Как удобно.

— Не надо всё упрощать. Человек может чувствовать несколько вещей одновременно.

— Может. А сколько женщин одновременно он может объявить умершими?

Сергей крепко сжал губы.

— Я не собирался строить на этом какую-то огромную ложь. Сначала думал, что через некоторое время скажу ей правду, объясню, что в тот день был не в себе.

— Но потом оказалось удобнее не говорить.

— Потом всё стало сложнее.

— То есть проще.

Он посмотрел на неё резко.

— Ты хочешь услышать правду или просто унижать меня?

— Сегодня у меня появился некоторый интерес к правде.

Сергей помолчал, затем неожиданно устало опустил плечи.

— Вероника потеряла мужа четыре года назад. Он умер внезапно, она очень тяжело это пережила. Когда я написал про тебя, она стала поддерживать меня. Не как женщина сначала, просто по-человечески. Звонила, объясняла, что первые месяцы самые тяжёлые, что нельзя оставаться одному. Я действительно в тот период был рядом с тобой, потому что ты восстанавливалась, и при этом переписывался с ней. Потом мы стали ближе.

Ольга прикрыла глаза на секунду. Вот оно, подумала она. В то время Сергей действительно почти не отходил от неё. Помогал принимать душ, потому что Ольга боялась поскользнуться. Ночью подкладывал вторую подушку, носил лекарства, сердился, если она пыталась сама поднимать тяжёлые пакеты. А где-то между таблетками, перевязками и чашкой бульона он писал Веронике как мужчина, потерявший жену.

— Когда вы впервые переспали? — спросила она.

Сергей поморщился.

— Это обязательно?

— Да.

— Через несколько месяцев.

— Сколько?

— Месяца четыре, наверное.

— Пока я ещё ездила на контроль каждую неделю?

— Оля, не надо привязывать всё к твоему восстановлению.

— Почему? Ты привязал к нему мою смерть.

Он встал снова, но на этот раз не отошёл далеко, только сделал несколько шагов по кухне.

— Я был с тобой. Всё это время. Ты не можешь сказать, что я тебя бросил после операции. Я возил тебя к врачу, сидел в очередях, готовил, когда ты не могла. Я отменил две поездки.

— А в третью поехал к женщине, которая считала меня покойной.

— Не сразу.

— Прости. Это многое меняет.

— Вот именно поэтому я не хотел говорить сейчас, когда ты в таком состоянии. Ты любую деталь превращаешь в нож.

Ольга медленно улыбнулась.

— Детали не я выбирала.

Некоторое время Сергей ходил по кухне, потом открыл холодильник и машинально заглянул внутрь. Ольга наблюдала за ним почти с отстранённым изумлением. Он нашёл контейнер с запеканкой, достал его, посмотрел на жену.

— Ты ела? — спросил он.

Ольга не сразу поняла, что это обращено к ней.

— Нет.

— Я тоже с утра нормально ничего не ел. Давай разогрею и продолжим спокойно.

Она смотрела, как муж ставит контейнер на стол, и вдруг почувствовала такую усталость, что даже злость на время исчезла.

— Ты сегодня завтракал у Вероники?

Сергей замер.

— Оля…

— Она сказала, что готовила тебе омлет. Вчера тоже.

Он медленно поставил контейнер обратно.

— Да.

— А мне сказал, что гостиничный был холодный.

— Это была обычная фраза.

— Зачем?

— Затем, что если я скажу: «Я ем омлет у женщины, которая считает тебя умершей», возникнут вопросы.

Ольга коротко рассмеялась и потёрла лоб.

— Наконец-то хоть одно объяснение без украшений.

Сергей сел обратно, но теперь выглядел злее.

— Именно поэтому я говорю: до сегодняшнего дня всё работало. Не в смысле, что правильно, а в смысле, что никто не страдал от знания, которого ему не нужно было иметь. Ты жила своей жизнью, я был рядом, когда тебе нужен. Лера видела обоих родителей. Вероника после нескольких лет одиночества снова начала жить. Я не отнял у тебя дом, деньги, дочь, не исчез.

Ольга медленно подняла глаза.

— Ты сейчас перечисляешь, что оставил мне после моей смерти?

— Я объясняю, что не собирался тебя уничтожать.

— Какое великодушие.

— Ты опять.

— Нет, продолжай. Мне интересно. Что ещё я получила?

Сергей всплеснул руками, словно разговаривал с человеком, который нарочно отказывался понимать очевидное.

— Обычную жизнь. Всё, что у тебя было, осталось. Мы ездили к твоей матери, встречались сЛерой, праздновали Новый год, твою годовщину операции. Я заботился о тебе. Я никогда не говорил дома, что хочу уйти или что ты мне мешаешь.

— Потому что я не мешала.

— В каком-то смысле — да.

Ответ прозвучал настолько просто, что Ольга даже не нашлась сразу.

Сергей заметил её лицо и поспешил продолжить:

— Не так. Я имею в виду, что у нас был устроенный быт, привычная семья. Я не хотел ломать это только потому, что появились чувства к другому человеку.

— Значит, ломать было не обязательно. Можно было добавить ещё одну женщину.

— Ты специально делаешь из меня монстра.

— Я пока только слушаю.

Он взял стакан, обнаружил, что тот пуст, и снова налил воды.

— Вероника ничего у тебя не забирала. Она не приходила сюда, не вмешивалась в нашу жизнь. Я разделял эти вещи.

— Очень аккуратно. Даже меня разделил: здесь я живая жена, там покойная.

Сергей не ответил. Ольга некоторое время смотрела на него, потом протянула руку к макету и повернула лист фотографией к мужу.

— Почему именно этот день?

— Я уже сказал.

— Нет. Ты сказал, что был в плохом состоянии. Я спрашиваю, почему ты выбрал именно мою операцию как дату смерти. Можно было придумать аварию через месяц, внезапный приступ, что угодно. Почему этот день?

Сергей посмотрел на лист, потом на Ольгу.

— Потому что Вероника знала про операцию.

— И?

— Потому что это выглядело естественно. Она знала, что всё серьёзно, что есть риск. Если бы я через неделю придумал что-то другое, пришлось бы объяснять, откуда это взялось.

Ольга почувствовала, как пальцы на листе становятся холодными.

— То есть ты выбрал мою настоящую операцию, чтобы не придумывать лишние подробности.

— Я тогда не рассуждал настолько цинично.

— Но именно так и сделал.

— Да, — раздражённо бросил Сергей. — Да, если тебе нужна эта формулировка. Это было проще. Убедительнее. Не требовало отдельной истории.

Ольга отодвинула макет от себя. На секунду ей захотелось выйти из кухни, потому что сидеть напротив становилось физически тяжело. Но уйти означало оставить ему возможность позже сказать, что разговор сорвался из-за её эмоций, а она хотела услышать всё до конца.

— Ты отправил ей мою фотографию, — сказала Ольга. — Ту, что попала в объявление.

— Она просила когда-то показать тебя.

— Зачем?

— Просто. Мы говорили о прошлом.

— О твоей умершей жене.

— Да.

— И ты прислал снимок, сделанный Лерой, когда я сидела рядом с тобой за праздничным столом.

Сергей пожал плечами.

— Фотография была хорошая.

Ольга долго смотрела на него.

— Ты вообще слышишь себя?

— Что опять не так? Если бы я прислал какую-то чужую фотографию, это было бы лучше?

Она закрыла лицо ладонью на несколько секунд, потом опустила руки.

— А мама?

Сергей нахмурился.

— Что мама?

— Моя мать. Вероника сказала, что ты похоронил и её.

— Не похоронил. Я сказал, что её уже нет, когда она спросила, почему ты не похоронена здесь.

— И урна?

— Это было объяснение.

— Где она, по твоей версии?

— В другом городе.

— Рядом с матерью, которая на самом деле живёт в сорока минутах отсюда.

— Оля, зачем мы сейчас будем разбирать каждую фразу двухлетней переписки?

— Потому что эта переписка оказалась моей биографией.

— Она не твоя. Она была между мной и Вероникой.

— С моим именем, лицом, матерью и дочерью.

Он устало провёл рукой по волосам.

— Вот опять. Я понимаю, что тебе кажется это ужасным, когда всё вываливается одним списком. Но тогда всё складывалось постепенно. Один вопрос требовал ответа, потом другой. Я не сидел вечерами с блокнотом и не планировал, кого ещё убить.

— Спасибо, теперь звучит значительно лучше.

Сергей резко встал.

— Да сколько можно? Я приехал, потому что хотел всё объяснить, а ты только язвишь.

— Ты приехал, потому что Вероника увидела меня живой.

— И потому что ты моя жена.

— Вот теперь я снова жена?

Он замер, затем медленно сел.

— Ты всегда была моей женой.

— А Вероника кто?

Сергей отвёл взгляд.

— Человек, которого я люблю.

Ольга почувствовала, как внутри что-то провалилось, хотя именно этого следовало ожидать. До сих пор он говорил о чувствах, обстоятельствах, близости, но слово прозвучало впервые. Простое, ясное.

— Давно? — спросила она.

— Не знаю.

— Два года?

— Наверное.

— И меня любишь?

Сергей посмотрел прямо на неё.

— По-другому.

Ольга кивнула.

— Очень удобно.

— Почему любое честное слово ты называешь удобством?

— Потому что твоя честность появилась только после того, как Вероника случайно прислала мой некролог мне на работу.

— Не некролог.

— Сергей, если ещё раз поправишь термин, я этой бумагой тебя ударю.

Он неожиданно усмехнулся, будто в прежние времена, когда Ольга сердито угрожала выбросить его рыболовные снасти с балкона. Улыбка исчезла почти сразу, но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы ей стало особенно больно. Он всё ещё автоматически искал старую интонацию между ними, будто они спорили из-за позднего возвращения или забытых покупок.

— Ладно, — сказал Сергей. — Пусть будет некролог, если тебе так легче.

— Мне не легче.

Он опустил голову.

— Я понимаю.

— Нет. Пока нет.

Ольга встала, прошла к окну и прижалась ладонью к прохладному стеклу. Во дворе женщина в красной куртке вела за руку ребёнка, кто-то парковался возле подъезда, в окнах напротив мигал телевизор. Обычный вечер продолжался совершенно независимо от того, что её двадцатисемилетний брак за несколько часов превратился в историю, которую она уже не могла узнать.

— Она носит кольцо, — сказала Ольга, не оборачиваясь.

Сергей молчал.

— Ты сделал ей предложение.

— Да.

— Как?

— Что значит как?

— Обыкновенно. Ты сказал: «Выходи за меня»? Купил кольцо? Встал на колено? Мне просто интересно, что именно ты обещал женщине, которая считает тебя вдовцом, оставаясь женатым на мне.

— Я сказал, что хочу быть с ней.

— И жениться.

— В перспективе.

Ольга повернулась.

— У тебя уже есть жена.

— Я знаю.

— Тогда как ты собирался это сделать?

Сергей потер переносицу.

— До свадьбы дело ещё далеко.

— Ты сам слышишь ответ?

— Вероника четыре года после смерти мужа вообще не хотела замуж. Даже наши отношения долго не называла отношениями. Я понимал, что она не побежит завтра подавать заявление.

— А если бы побежала?

— Не побежала бы.

— А если бы всё-таки сказала: «Серёжа, давай в понедельник»?

Он раздражённо дёрнул плечом.

— Тогда я бы решал проблему в понедельник.

— Каким образом?

— Не знаю. Развёлся бы. Объяснил что-нибудь.

— Что? Что ты два года случайно оставался женат на умершей женщине?

— Я придумал бы, как сказать.

Ольга рассмеялась, но на этот раз смех не принёс даже краткого облегчения.

— То есть плана не было.

— Не было конкретной необходимости.

— Ты сделал предложение женщине и не подумал, что для брака придётся сначала развестись с живой женой.

— Я подумал. Просто до этого было далеко.

— А сейчас?

Сергей посмотрел на неё настороженно.

— Что сейчас?

— Сейчас далеко?

Он не ответил, и Ольга поняла ответ раньше, чем услышала бы слова.

— Ты хотел развестись со мной?

— Я не решил.

— За два года?

— Я не хотел ломать то, что у нас есть.

— Но Веронике предложил брак.

— Я хотел, чтобы она понимала, что серьёзно к ней отношусь.

— Значит, кольцо было обещанием без обязательства.

— Не переворачивай.

— Тогда объясни, как не переворачивать.

Сергей поднялся, подошёл ближе, но остановился за столом.

— Я хотел сохранить семью, Оля. Это тебе почему-то кажется самым преступным во всём разговоре. Да, у меня появилась другая женщина. Да, я солгал ей. Но я не собирался бросать тебя сразу после операции или разрушать жизнь Леры. Я делал всё, чтобы дома ничего не изменилось.

— И ты считаешь это достоинством.

— Я считаю, что поступал не идеально, но не так, как ты сейчас пытаешься представить. Многие мужчины просто уходят. Собирают вещи, оставляют жену одну и начинают новую жизнь. Я этого не сделал.

Ольга почувствовала, как внутри снова поднимается злость, но на этот раз холодная.

— Мне нужно тебя поблагодарить?

— Не надо передёргивать.

— Ты буквально говоришь, что мог бросить больную жену, но не бросил, поэтому два года любовницы — почти форма заботы.

— Я говорю, что продолжал выполнять свои обязанности.

— Мужские?

— Человеческие.

— Включая сон со мной?

Сергей поморщился.

— Зачем это сейчас?

— Потому что ты пытаешься назвать наш брак формальным. Мы спали вместе. Не каждый день, не как в двадцать пять, но регулярно. Ещё неделю назад.

— Физическая близость не решает всех проблем.

— Верно. Но обычно человек хотя бы предупреждает жену, что у него она ничего не значит.

— Я не говорил, что ничего не значит.

— Тогда что значила?

Он долго молчал.

— Дом, — сказал Сергей наконец. — Семью. Моего близкого человека. Женщину, с которой я прожил большую часть жизни.

Ольга медленно кивнула.

— А Вероника?

— Любовь. Другую жизнь. Я не знаю, как ещё объяснить.

— Очень хорошо объяснил.

— Ты сама спросила.

— И всё это время считал, что можешь иметь обе части.

— Я не формулировал так.

— Но жил именно так.

Сергей сел и устало опёрся локтями о стол.

— Да. Наверное.

Ольга смотрела на него и впервые за весь вечер увидела не только наглость, но и что-то похожее на растерянность. Не раскаяние. Сергей был растерян потому, что система, которая действительно работала для него два года, развалилась за одно утро. Он не готовился выбирать. Никогда. Он просто каждый раз откладывал момент, когда придётся признать, что живые люди не могут бесконечно оставаться в назначенных им комнатах.

— Вероника сейчас где? — спросила Ольга.

— У себя.

— Ты забрал вещи?

— Какие вещи?

— Те, что держал у неё.

— Там немного.

— Значит, держал.

— Оля, я часто приезжал. Не таскать же каждый раз зубную щётку.

Она отвернулась.

— Конечно. Очень практично.

— Опять начинается.

— Нет. Мне просто нужно привыкнуть, что у моего мужа в другом городе есть зубная щётка у женщины, которая уверена, что я два года в урне.

Сергей с силой выдохнул.

— Я поговорю с Вероникой. Сегодня или завтра, когда она немного успокоится.

— И что скажешь?

— Что ситуация сложнее, чем она думает.

— Она думает, что ты вдовец.

— Теперь уже не думает.

— Отличное начало честности.

Он пропустил замечание.

— Я объясню, что наш брак давно был другим. Что мы с тобой больше родственники, чем супруги.

Ольга почувствовала, как пальцы сжались на подоконнике.

— Не смей.

Сергей поднял голову.

— Что?

— Не смей говорить за меня. Не смей объяснять Веронике, что я считала наш брак законченным. Я ничего такого не считала.

— Но ты же понимала, что у нас проблемы.

— Проблемы бывают у живых супругов, Сергей. Они не превращают одного из них в покойника автоматически.

— Я не буду говорить, что ты знала обо всём.

— Потому что это ложь.

— Я скажу, что отношения давно были формальными.

— Это тоже ложь.

Он нахмурился.

— Ты сейчас будешь отрицать очевидное только из принципа?

— Для кого очевидное? Для тебя? Ты приходил домой, ложился рядом, строил планы на лето, просил купить кофе и рассказывал о гостиничных завтраках. Я не жила в открытом браке и не подписывала соглашение, что каждый может заводить отдельную семью.

— Я не заводил семью.

Ольга указала на макет.

— Там написано, что наша дочь скорбит по мне вместе с тобой. Это уже больше похоже на семью, чем хотелось бы.

Сергей посмотрел на лист и вдруг раздражённо сдвинул его в сторону.

— Вот из-за этой бумаги всё и взорвалось. Если бы Вероника не решила заниматься самодеятельностью, мы могли бы спокойно разобраться позже.

Ольга не поверила услышанному.

— Позже?

— Да.

— Когда?

— Когда возникла бы необходимость.

— Свадьба?

— Возможно.

— Или моя настоящая смерть?

Сергей резко поднял взгляд.

— Не говори ерунду.

— Почему? Это решило бы твою проблему.

— Ольга!

Он произнёс её имя громко, почти крикнул, и впервые за вечер в голосе появилось настоящее возмущение. Не стыд за сделанное, а оскорбление от того, что жена позволила себе довести его логику до конца.

— Никогда больше не говори такого, — сказал Сергей, тяжело дыша. — Я сидел возле тебя в больнице и действительно боялся, что ты умрёшь. Не смей превращать это в то, будто я желал тебе смерти.

Ольга смотрела на него и понимала, что здесь он, вероятно, не врёт. Он действительно боялся. Действительно любил её в тот день какой-то частью себя, плакал, держал за руку, звонил Валерии. И всё же потом вышел в коридор и использовал возможность.

— Я не говорю, что ты хотел моей смерти, — тихо произнесла она. — Ты просто очень быстро нашёл ей применение.

Сергей отвернулся. Эти слова, кажется, попали точнее остальных, потому что он не стал спорить сразу.

Несколько минут они молчали. На кухне тихо гудел холодильник, где-то сверху ребёнок бегал по полу, и каждая эта обычная деталь возвращала Ольгу в вечер, который всего сутки назад мог закончиться тем, что она разогрела бы мужу запеканку и слушала рассказ о дороге. Сергей, наверное, тоже это чувствовал, потому что вдруг посмотрел на контейнер, оставшийся на столе.

— Я всё равно должен что-то поесть, — сказал он уже тише. — Ты тоже. Мы оба сейчас на нервах и начинаем говорить вещи, о которых потом пожалеем.

Ольга медленно села напротив.

— Я пока жалею только о тех, которые не спросила раньше.

— Тебе нужно несколько дней. Просто не принимай решений сегодня.

— Каких?

— Никаких. Не звони Лере, не устраивай встречи с Вероникой, не рассказывай никому. Я разберусь.

— Ты уже разобрался один раз.

— Оля, если сейчас все начнут действовать на эмоциях, будет хуже.

— Кому?

Сергей замолчал.

— Тебе? Веронике? Мне? Лере? Выбери.

— Всем.

— Мне уже хуже.

— Потому что ты узнала всё одним ударом. Я понимаю.

— Нет. Потому что мой муж два года жил с другой женщиной и говорил ей, что я умерла.

Сергей резко отодвинул стул.

— Господи, мы опять возвращаемся к одной и той же фразе.

— А куда ты предлагаешь перейти?

Он встал, взял контейнер и всё-таки поставил его обратно в холодильник.

— Я предлагаю тебе не ломать двадцать семь лет из-за того, что можно ещё исправить.

Ольга почувствовала странное спокойствие.

— Что именно можно исправить?

Сергей повернулся.

— Всё. Веронике я объясню. С тобой мы поговорим. Я могу какое-то время не ездить туда, если тебе нужно.

— Если мне нужно?

— Да.

— Сергей, ты слышишь, что предлагаешь? Ты оставишь любовницу на паузе, пока жена привыкнет к собственной смерти?

— Не надо опять издеваться.

— Тогда назови это своими словами.

Он несколько секунд смотрел на неё.

— Я готов дать тебе время.

— Ты?

— Да, я.

Ольга подняла брови.

— Как щедро.

Сергей сжал губы и внезапно потерял остатки терпения.

— Знаешь что, хватит. Я приехал сюда раньше, сорвал рабочие встречи, потому что ты устроила Веронике шок. Я пытаюсь разговаривать, отвечаю на все твои вопросы, хотя половина из них звучит так, будто я кого-то убил. Но ты даже не хочешь услышать, что ситуация не чёрно-белая.

— Я устроила ей шок?

— Да, своим звонком.

Ольга медленно встала.

— Она прислала мою фотографию ко мне на работу.

— Она не знала, где ты работаешь!

— Потому что считала меня мёртвой!

— Вот именно! Для неё ты умерла два года назад!

Фраза вылетела громко. Сергей замолчал сразу после неё, но уже было поздно. Ольга почувствовала, как будто вся предыдущая боль вдруг собралась в одну точку.

Он отвернулся, провёл ладонью по лицу и уже тише добавил:

— Я имею в виду её картину мира. Не твою настоящую жизнь.

— Конечно.

— Оля, не начинай.

Она смотрела на мужа и понимала, что именно сейчас услышала не случайную жестокость, а его настоящее отношение к происходящему. Для Сергея существовали отдельные картины мира, и если они не пересекались, всё считалось допустимым. Здесь Ольга была женой,

там мёртвой женщиной, и проблема возникла не в момент лжи, а только тогда, когда два мира столкнулись.

— Поэтому не надо сейчас оживать для неё только потому, что тебя задело, — продолжил Сергей, уже раздражённо, словно раз начал, то решил договорить до конца. — Ты понимаешь, что я имею в виду. Не надо влезать в её жизнь, рассказывать ей каждую подробность нашего брака, показывать, как мы жили. Это ничего тебе не даст, кроме удовлетворения от того, что ты всё разрушила.

Ольга не почувствовала ни слёз, ни желания закричать. Наоборот, внутри стало пусто и ясно.

— Не надо оживать, — повторила она.

— Не цепляйся к словам.

— Я не цепляюсь. Я запоминаю.

Сергей шагнул к ней.

— Я сказал неудачно.

— Нет. Очень точно.

— Оля…

Она подняла руку, останавливая его.

— Ты хочешь, чтобы я оставалась мёртвой для Вероники, потому что так тебе проще объяснить следующие два дня. А потом ты придумаешь новую историю. Что мы давно не жили вместе, что я всё знала, что развод просто не оформили. Может быть, скажешь, что я сама просила тебя быть счастливым.

— Я не говорил такого.

— Пока.

— Я не собираюсь делать из тебя виноватую.

— Ты уже сказал, что я устроила Веронике шок.

Сергей открыл рот и снова закрыл.

Ольга посмотрела на свою руку. Обручальное кольцо тускло блестело под кухонной лампой. Она вдруг вспомнила, как двадцать семь лет назад Сергей надевал его в небольшом зале загса и так нервничал, что чуть не уронил. Валерия родилась спустя три года, потом были переезды, болезни родителей, отпуска, похороны отца Сергея, школьные праздники дочери, первая ипотека на дачу, которую они потом продали, множество совершенно обычных дней. Всё это не исчезало. Но кольцо больше не означало того, что Ольга считала общим все эти годы.

Она поддела его большим пальцем. Металл сначала застрял на суставе, и пришлось слегка покрутить, как летом, когда пальцы отекали от жары. Сергей следил за движением и, кажется, впервые за вечер по-настоящему испугался.

— Что ты делаешь? — спросил он.

Ольга сняла кольцо и положила на стол рядом с собственным памятным объявлением. Небольшой металлический звук оказался неожиданно громким.

— Сегодня ты не будешь спать в нашей спальне, — сказала она, не отводя взгляда. — Можешь лечь в гостиной. Утром начнёшь собирать вещи.

Сергей несколько секунд смотрел на кольцо.

— Не глупи.

— Я совершенно серьёзно.

— Из-за одного разговора?

— Из-за двух лет.

— Оля, ты не можешь решить судьбу двадцатисемилетнего брака за один вечер.

— Ты решил судьбу моей жизни за семнадцать слов в сообщении другой женщине. Значит, скорость иногда бывает очень высокой.

Сергей нахмурился.

— Я никуда завтра не съеду.

— Тогда начнёшь собирать медленнее. Но в спальню сегодня не войдёшь.

— Это и мой дом.

— Сегодня я не собираюсь обсуждать имущество. Я говорю только о комнате и кровати, в которую не хочу ложиться рядом с тобой.

Он подошёл ближе, опёрся ладонями о стол.

— Посмотри на меня. Ты сейчас в шоке, и я это понимаю. Но если ты завтра проснёшься и поймёшь, что перегнула, вернуть некоторые слова будет сложно.

Ольга посмотрела прямо на него.

— А если ты завтра проснёшься и поймёшь, что жена всё ещё жива, что делать будешь?

Сергей отдёрнул руки от стола.

— Невозможно с тобой разговаривать.

— Сегодня, наверное, да.

Он резко развернулся и вышел из кухни. Через несколько секунд в прихожей хлопнула дверца шкафа, потом раздался звук молнии на дорожной сумке. Ольга осталась возле стола. Она не знала, собирается ли Сергей уйти прямо сейчас или просто достаёт вещи для ночи в гостиной, но не пошла проверять.

Кольцо лежало рядом с красной редакторской пометкой, и Ольга неожиданно заметила на пальце светлую полоску кожи, двадцать семь лет почти не видевшую солнца. Она провела по ней большим пальцем, потом взяла макет и спрятала в прозрачную папку. Кольцо оставила на столе.

Через несколько минут Сергей вернулся уже без рубашки, в домашней футболке, которую, видимо, достал из сумки. Он остановился у двери и посмотрел сначала на жену, потом на кольцо.

— Я останусь в гостиной, — произнёс он с подчёркнутым спокойствием. — Но утром мы поговорим ещё раз. Никаких вещей я не буду собирать, пока ты не поспишь и не придёшь в себя.

Ольга открыла холодильник, достала контейнер с запеканкой и поставила его перед ним.

— Поешь, — сказала она, возвращаясь к столу. — Ты же с утра нормально ничего не ел.

Сергей посмотрел на неё с неожиданным недоверием, словно пытался понять, является ли эта фраза издевательством. Возможно, отчасти являлась, но Ольга сама ещё не знала. Она поставила тарелку рядом и добавила, уже спокойнее:

— А утром начнёшь собирать вещи, Серёжа. Просто сейчас ты ещё думаешь, что это очередная проблема, которую можно отложить до понедельника и потом что-нибудь придумать.

Он ничего не ответил. Ольга вышла из кухни, закрыла за собой дверь спальни и впервые за двадцать семь лет повернула внутреннюю защёлку не потому, что переодевалась или хотела поспать, а чтобы муж не вошёл.

Только тогда, оказавшись одна, она прислонилась спиной к двери и закрыла глаза. Из кухни ещё долго не доносилось ни звука, затем тихо звякнула тарелка, зашумела вода в кране. Сергей ел разогретую запеканку в доме женщины, которую два года назад похоронил для другой любви, а Ольга стояла в собственной спальне без обручального кольца и впервые не пыталась придумать за него объяснение.

Глава 3. Дочь, которой придумали сиротство

Ольга проснулась раньше будильника и несколько секунд лежала неподвижно, не понимая, почему правая рука тянется к пустой половине кровати. За окном ещё не рассвело до конца, серый утренний свет едва проступал между шторами, в квартире было тихо, и только потом она вспомнила запертую на ночь дверь, кольцо, оставленное на кухонном столе, и Сергея в гостиной. Память возвращалась не одним ударом, а кусками, каждый из которых словно проверял предыдущий на правдоподобие: Вероника, кольцо на её пальце, омлет вместо гостиничного завтрака, два года выдуманного вдовства, фраза мужа о том, что Ольге не н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.